

Интервью журналу Playboy. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> приятного чтения!

Интервью журналу "Playboy". Владимир Владимирович Набоков

Эта беседа с Олвином Тоффлером была опубликована в "Плейбое" за январь 1964. Обе стороны очень старались создать иллюзию непринужденной беседы. В действительности, мой печатный вклад относится исключительно к ответам, каждое слово которых я написал от руки, прежде чем отдать их машинистке для представления Тоффлеру, когда тот приехал в Монтрё в середине марта 1963 года. Настоящий текст учитывает как порядок вопросов интервьюера, так и то обстоятельство, что две смежных страницы типоскрипта утратились при передаче. Egreto perambis doribus!

С американской публикацией "Лолиты" в 1958 ваши слава и состояние выросли почти за ночь – от высокой репутации среди литературных cognoscenti1 – которой вы пользовались более 30 лет – до одновременно и прославлений и проклятий в адрес новой мировой знаменитости – автора сенсационного бестселлера. По окончании этого cause celebre2, сожалели ли вы когда-нибудь, что написали "Лолиту"?

Напротив, я до сих пор содрогаюсь, вспоминая, что был один миг, в 1950-ом, а потом еще один в 1951-ом, когда я совсем уж собрался сжечь грязный дневничок Гумберта Гумберта. Нет, я никогда не буду сожалеть о "Лолите". Ее написание походило на составление красивой задачи составление и одновременно решение, потому что одно – это зеркальное отражение другого, все зависит от того, с какой стороны смотреть. Конечно, она полностью заслонила другие мои произведения – по крайней мере написанные на английском: "Подлинную жизнь Себастьяна Найта", "Под знаком незаконнорожденных", рассказы, книгу воспоминаний, но я не могу на нее сердиться. Этой вымышленное нимфетке присуще какое-то странное, нежное очарование.

Хотя многие читатели и критики не согласятся с определением её очарования как "нежного", мало кто станет отрицать, что оно странное, настолько, что когда режиссер Стенли Кубрик объявил о своем намерении сделать фильм по "Лолите", вы, говорят, сказали: "Конечно, им придется изменить сюжет. Возможно, они превратят Лолиту в карлицу. Или ей будет 16, а Гумберту 26". Хотя в итоге вы сами написали сценарий, некоторые рецензенты порицали фильм за размывание центрального конфликта. Довольны ли вы окончательным вариантом фильма?

Я думаю, что фильм превосходен. Четыре главных актера заслуживают высших похвал. Сью Лайон, приносящая поднос с завтраком или по-детски натягивающая свитер в машине – это мгновения незабываемого актерского и режиссерского мастерства. Убийство Куильти – шедевр, как и смерть миссис Гейз. Впрочем, должен отметить, что к собственно съемкам я никакого отношения не имел. Будь оно иначе, я, вероятно, настоял бы на выделении определенных вещей, которые остались не выделенными – например, мотелей, в которых они останавливались. Я всего лишь написал сценарий, большая часть которого была использована Кубриком. В "размывании", если оно и присутствует, повинно не мое кропило.

Как повлиял двойной успех "Лолиты" на вашу жизнь – стала она лучше или хуже?

Я оставил преподавание – вот, в общем, и все перемены. Заметьте, мне нравится преподавать, нравился Корнельский университет, нравилось придумывать и читать лекции о русских писателях и шедеврах европейской литературы. Но когда вам под 60, и особенно зимой, сам физический процесс преподавания становится в тягость необходимость через день на другой просыпаться в установленный утренний час, бороться со снегом на дороге, идти длинными коридорами в аудиторию, рисовать на доске карты Джойсовского Дублина или устройство полумягкого вагона скорого поезда Петербург-Москва в начале 1870-х, – без представления о которых ни "Улисс", ни "Анна Каренина", соответственно, не имеют смысла. Почему-то самые яркие мои воспоминания связаны с экзаменами. Большой амфитеатр в "Голдвин Смит". Экзамен с 8 до 10.30 утра. Сотни полторы студентов – немых, небритых молодых людей мужского пола и выхоленных, в разумных пределах, – женского. Общее ощущение несчастья и скуки. Половина девятого. Слитные звуки нервного покашливания, шуршанье страниц. Кое-кто из мучеников впал в задумчивость, сцепив на затылке руки. Я встречаюсь с чьим-то мутным взглядом, с надеждой и ненавистью высскивающим во мне источник запретного знания. Девушка в очках подходит к моему столу с вопросом: "Профессор Кафка, вы хотите, чтобы мы сказали, что... ? Или

Интервью журналу Playboy. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru нам нужно ответить только на первую половину вопроса?" Великое братство троечников, становой столб нации, старательно марают бумагу. Мгновенный всплеск шелеста, большинство студентов переворачивает страницы тетрадей – пример хорошей артельной работы. Потрясанье затекшим запястьем, чернила на исходе, дезодорант выдохся. Стоит мне поймать чей-то устремленный на меня взгляд, как он в благочестивом размышлении возводится к потолку. Оконные стекла запотевают. Юноши стягивают свитера. Девушки в быстрой каденции жуют резинку. Десять минут, пять, три, время вышло.

Цитируя столь же язвительный пассаж из "Лолиты", как только что вами описанный, многие критики называли книгу мастерским сатирическим социальным описанием Америки. Они правы?

Ну, я могу лишь повторить, что лишен и устремлений, и темперамента сатирика, нравственного или социального. Считают критики, что я высмеиваю в "Лолите" человеческую глупость, или не считают, мне это в высшей степени безразлично. Но я выхожу из себя, когда они принимаются распространять радостную новость, будто я осмеиваю Америку.

Но разве не сами вы написали, что "нет ничего на свете вдохновительнее американской мещанской вульгарности".

Нет, я этого не говорил. Эта фраза была вытянута из контекста и, подобно шарообразной глубоководной морской рыбе, разорвалась, пока ее тянули. Если вы прочтете добавленное мной к роману небольшое послесловие "О книге, озаглавленной "Лолита", вы увидите – на самом деле я сказал, что в смысле мещанской вульгарности – которую я действительно считаю чрезвычайно вдохновительной – нет никакой разницы между бытом американским и европейским. Дальше говорится, что пролетарий из Чикаго может быть таким же мещанином, как английский лорд.

Многие читатели пришли к заключению, что наиболее вдохновительным вам представляются сексуальные нравы американцев.

Секс как институт, секс как общее понятие, секс как проблема, секс как общее место – все это кажется мне слишком скучным, чтобы расходовать на него слова. Давайте пропустим секс.

Подвергались ли вы психоанализу?

Подвергался ли я чему?

Психоаналитическому исследованию.

Господи, зачем?

Чтобы увидеть, как это делается. Некоторым критикам показалось, что ваши колкие замечания о моде на фрейдизм в практике американских аналитиков подразумевают презрение, основанное на знании.

Только на книжном. Само испытание слишком глупо и отвратительно, чтобы помышлять о нем даже в шутку. Фрейдизм и все, что он испакостил своими нелепыми толкованиями и методами, кажется мне одним из самых низких обманов, которыми люди морочат себя и других. Я полностью его отвергаю, вместе с несколькими другими средневековыми штуками, которые все еще привлекают невежественных, заурядных, или очень больных людей.

Кстати об очень больных людях. Вы предполагаете в "Лолите", что страсть Гумберта Гумберта к нимфеткам была результатом его невостремленной детской любви; в "Приглашении на казнь" вы писали о 12-летней девочке, Эммочке, питающей эротический интерес к мужчине вдвое ее старше; и в "Под знаком незаконнорожденных" вашему протагонисту приснилось, как он "украдкой ублажается Мариэттой (его служанкой), покамест та сидит, слегка содрогаюсь, у него на коленях во время репетиции пьесы, в которой она играет роль его дочери". Кое-кто из критиков, вникая в ваши книги в поисках ключей к вашей личности, указывали на эту повторяющуюся тему как на свидетельство вашей нездоровой увлеченности темой сексуального влечения между достигшими половой зрелости девочками и мужчинами средних лет. Вам не кажется, что в этом обвинении есть доля правды?

Интервью журналу Playboy. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru я думаю, будет правильнее сказать, что не напиши я "Лолиту", читатели не приняли бы выискивать нимфеток в других моих произведениях и у себя дома. Меня очень забавляет, когда какой-нибудь дружелюбный, вежливый человек говорит мне - возможно лишь затем, чтобы выказать вежливость и дружелюбие: "Мистер Наборков", или "Мистер Набаков", или "Мистер Набков", или "Мистер Набохов", - это зависит от его лингвистических возможностей, "у меня есть маленькая дочь - вылитая Лолита". Люди недооценивают силу моего воображения и мою способность выращивать многочисленных "я" в моих сочинениях. И потом, конечно, существует особый тип вынюхивающего критика, энтузиаста "человеческого содержания", радостного пошляка. Некто, например, обнаружил выдающее меня с головой сходство между детским романом Гумберта на Ривьере и моими собственными воспоминаниями о маленькой Колетт, с которой я строил замки из мокрого песка в Биаррице, когда мне было десять. Сумрачному Гумберту было, между прочим, тринадцать, его томило лихорадочное сексуальное возбуждение, в то время как мой роман с Колетт не содержал и крупницы эротического желаяния и был, вообще говоря, совершенно заурядным и нормальным. И, конечно, в девять-десять лет, в той обстановке, в те времена, мы вообще ничего не знали о ложных основах половой жизни, в которые посвящают теперь детей передовые родители.

Почему ложных?

Потому что воображение ребенка - особенно городского - мгновенно искажает, стилизует или иным образом изменяет удивительные сведения, сообщаемые ему о трудолюбивой пчелке, которую, к тому же, ни он, ни его родители не способны отличить от шмеля.

То, что один критик назвал вашим "почти навязчивым вниманием к слогу, ритму, каденции и оттенкам слов" ясно видно даже в выборе имен для ваших знаменитых пчелки и шмеля - Лолиты и Гумберта Гумберта. Как вы их придумали?

Для моей нимфетки мне нужно было уменьшительное имя с лирической мелодией в нем. Одна из самых прозрачных и лучезарных букв - "л". В суффиксе "-ита" много латинской нежности, которая мне также требовалась. Отсюда: Лолита. Впрочем, произносить ее имя следует не так, как произносите вы и большинство американцев: Low-lee-ta, с тяжелым, липким "L" и длинным "о". Нет, первый слог должен звучать как в слове "lollipop", "л" влажное и нежное, "ли" не очень резкое. Испанцы и итальянцы произносят его, конечно, с абсолютно верным оттенком лукавства и ласки. Другую причину составило приятное мурлыканье источника, её полного имени: эти розы и слезы в "Долорес". Наряду с очарованием и прозрачностью моей девочки следовало отметить пометить ее душераздирающую участь. Кроме того, имя "Долорес" наделяло ее другим, более простым и привычным детским уменьшительным Долли, хорошо сочетавшимся с фамилией "Гейз", в которой ирландские туманы смешались с немецким кроликом - я разумею немецкого зайчика.

То есть это игровая отсылка к немецкому обозначению кролика - "Hase". Но что побудило вас наделить стареющего любовника Лолиты столь откровенно избыточным именем?

Это тоже просто. На мой взгляд, такой удвоенный рокот изрядно гадок и внушает определенное к себе отношение. Мерзкое имя для мерзкого человека. Кроме того, в этом имени присутствует нечто монаршее, а мне требовался царственный отзвук для Гумберта Свирепого и Гумберта Робкого. К тому же оно годится для каламбуров. А гнусное уменьшительное "Гум" в социальном и эмоциональном планах стоит наравне с "ло", как звала её мать.

Еще один критик написал о вас, что "отсеивание и отбор из многоязычной памяти слов в единственно верной последовательности, расстановка их многократно отраженных оттенков в правильном соседстве, должно быть физически изнуряющей работой". Какую из ваших книг вы бы назвали самой трудной в этом отношении?

Ну разумеется "Лолиту". Мне не хватало необходимых сведений - вот в чем состояла изначальная трудность. Я не знал ни одной американской девочки двенадцати лет и не знал Америки; пришлось самому создавать и Америку, и Лолиту. Создание России и Западной Европы отняло у меня лет сорок, теперь передо мной стояла сходная задача, но времени в моем распоряжении имелось гораздо меньше. Добывание местных приправ, которые позволили бы сдобрить усредненной "реальностью" варево личной фантазии, оказалось, в пятьдесят лет, делом куда более трудным, чем то было в Европе моей молодости.

Интервью журналу Playboy. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

Вы родились в России, но уже много лет живете и работаете в Америке и Европе. Есть ли у вас сильное ощущение национальной принадлежности?

Я американский писатель, родившийся в России и получивший образование в Англии, где я изучал французскую литературу, прежде чем провести пятнадцать лет в Германии. Я приехал в Америку в 1940-м и решил стать американским гражданином, сделать Америку своим домом. Вышло так, что я с самого начала повстречался с лучшим, что есть в Америке, – с её богатой интеллектуальной жизнью и непринужденной, доброжелательной атмосферой. Я окупился в её великие библиотеки и в её Большой Каньон. Я работал в лабораториях её зоологических музеев. Я приобрел больше друзей, чем у меня когда-либо было в Европе. Мои книги – старые и новые – нашли нескольких превосходных читателей. Я стал дородным, как Кортес – в основном потому, что бросил курить и начал взамен жевать конфеты, отчего мой вес вырос с обычных ста сорока фунтов до монументальных и радостных двухсот. Стало быть, на треть я американец – добрая американская плоть греет и оберегает меня.

Вы провели в Америке 20 лет, но никогда не владели здесь домом и нигде по-настоящему не обосновались. Ваши друзья говорят, что вы всегда останавливались в отелях, коттеджах, меблированных комнатах, арендовали дома у отсутствующих профессоров. Вы чувствовали себя таким беспокойным и таким чужим, что идея осесть где-нибудь вас раздражала?

Главная причина, коренная причина, я думаю, в том, что никакому окружению, не повторяющему в точности моего детства, было бы не по силам меня удовлетворить. Найти точное соответствие мне все равно не удастся своим воспоминаниям – так зачем же беречь себе душу безнадежными приближениями? Есть еще несколько причин особого рода: фактор стремительного движения, например, привычка к стремительному движению. Я с такой силой вылетел из России, с такой жестокой силой возмущения, что так с тех пор и качусь. Правда, я докатился и дожил до того, что стал аппетитной штучкой, "полным профессором", но в душе навсегда остался тощим "заезжим лектором". Несколько раз я говорил себе: "Вот хорошее место для постоянного дома" – и немедля слышал грохот обвала, уносящего сотни отдаленных мест, которые я уничтожил бы самим актом поселения в одном определенном уголке земли. И наконец, меня не очень интересует мебель – столы, стулья, лампы, ковры и все прочее – наверное потому, что мое роскошное детство научило меня с насмешливым неодобрением воспринимать любую слишком рьяную привязанность к вещественному богатству, отчего я и не испытал ни сожаления, ни горечи, когда революция это богатство уничтожила.

Вы прожили двадцать лет в России, двадцать в Западной Европе, и двадцать в Америке. Но в 1960-м, после успеха "Лолиты", вы переехали во Францию, а после в Швейцарию и с тех пор в США не возвращались. Означает ли это, что, несмотря на ваше самоопределение как американского автора, вы считаете свой американский период законченным?

Я живу в Швейцарии по чисто личным причинам – семейным, и также некоторым профессиональным, таким как, определенные изыскания, необходимые мне для определенной книги. Я надеюсь очень скоро вернуться в Америку назад к её библиотечным полкам и горным перевалам. Идеальной для меня обстановкой была бы полностью звуконепроницаемая квартира в Нью-Йорке, на последнем этаже – никакого топота сверху и никакой легкой музыки с какой бы то ни было стороны плюс бунгало на юго-западе. Иногда я думаю, что было бы занятно снова украсить своей персоной какой-нибудь университет, жить и писать там, но не преподавать, по крайней мере не преподавать регулярно.

Тем временем вы ведете жизнь уединенную – и отчасти малоподвижную, как все говорят – в вашем гостиничном номере. Как вы проводите время?

Зимой просыпаюсь около семи: будильником мне служит альпийская клушица – большая, блестящая черная птица с большим желтым клювом, – она навещает балкон и очень мелодично кудахчет. Некоторое время я лежу в постели, припоминая и планируя дела. Часов в восемь – бритье, завтрак, тронная медитация и ванна – в таком порядке. Потом я до второго завтрака работаю в кабинете, прерываясь ради недолгой прогулки с женой вдоль озера. Практически все знаменитые русские писатели девятнадцатого века прогуливались здесь. Жуковский, Гоголь, Достоевский, Толстой, – который в ущерб здоровью ухаживал за горничными, – масса

Интервью журналу Playboy. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru русских поэтов. Впрочем, то же самое можно сказать о Ницце или Риме. Примерно в час – второй завтрак, а к половине второго я вновь за письменным столом и работаю без перерыва до половины седьмого. Затем поход к газетному киоску за английскими газетами, а в семь обед. После обеда никакой работы. И около девяти в постель. До половины двенадцатого я читаю, потом до часу ночи сражаюсь с бессонницей. Примерно дважды в неделю меня посещает добротный длинный кошмар с неприятными, импортированными из прежних снов персонажами, являющимися мне в более или менее повторяющейся обстановке – калейдоскопическое сочетание разрозненных впечатлений, обрывки дневных мыслей и безотчетные механические образы, напрочь лишённые каких-либо фрейдистских тайных или явных смыслов, но зато исключительно похожие на фигуры, проплывающие по изнанке век, когда от усталости закрываешь глаза.

Интересно, что знахари и их пациенты никогда не додумывались до столь простого и совершенно удовлетворительного объяснения снов. Правда ли, что вы пишете стоя, причем от руки, а не на машинке?

Да. Я так и не научился печатать. Как правило, я начинаю день за чудесной старомодной конторкой в моем кабинете. Позже, когда сила тяготения принимается покосывать меня за икры, я устраиваюсь в удобном кресле у обычного письменного стола; и наконец, когда она добирается до спины и начинает всползать вверх, я укладываюсь на диван, стоящий в углу моего маленького кабинета. Приятное однообразие, вроде движения солнца по небу. Вот когда я был молод, в двадцать, в тридцать лет, я нередко по целым дням валялся в постели, куря и сочиняя. Теперь все переменялось. Горизонтальная проза, вертикальные вирши и сидячие схилии то и дело меняют местами определители и портят аллитерации.

Не могли бы вы еще что-нибудь рассказать о творческом процессе, в результате которого рождается книга, – может быть, вы прочтете наугад несколько заметок или отрывков из той, над которой сейчас работаете?

Определенно, нет. Подвергать зародыша исследовательской операции недопустимо. Я могу сделать другое. Вот в этой коробке у меня карточки с записями, которые я делал в разное время, относительно недавнее, но в "Бледном пламени" так и не использовал. Этакая стайка отверженных. Берите какие хотите. "Селена, луна. Селенгинск, старинный город в Сибири: город лунных ракет". . . "Berry: черная шишка на клюве лебедя-шипуну". . . "Dropwort: гусеничка, висящая на нити". . . "В "The New Von Top Magazine", том пятый, 1820, стр. 312, проститутки определяются как "городские девушки"... "Сны юности: забытые штаны; сны старости: забытые зубные протезы". . . "Студент поясняет, что, читая роман, он любит пропускать некоторые абзацы "чтобы составить собственное представление о книге и не попасть под влияние автора". . . "Напрапатия – уродливейшее слово во всем в языке".

"И после дождя, на унизанных каплями проводах, одна птица, две птицы, три птицы, – и ни одной. Грязные шины, солнце". . . "Время без сознания мир низших животных; время плюс сознание – человек; сознание без времени некое еще более высокое состояние". . . "Мы думаем не словами, но тенями слов. Ошибка, совершаемая Джеймсом Джойсом в его прекрасных в иных отношениях мысленных монологах, состоит в том, что он слишком обременяет мысль словами". . . "Пародия на учтивость: неподражаемое "Пожалуйста" "Пожалуйста, пришлите мне ваше чудесное..." – так фирмы по-идиотски обращаются к самим себе на печатных бланках, предназначенных для того, чтобы люди заказывали их изделия". . .

"Наивный, непрестанный пискливый щебет цыплят в унылых корзинах поздней, поздней ночью на пустынной железнодорожной платформе в морозном тумане". . . "Заголовок бульварной газеты "TORSO KILLER MAY BEAT CHAIR" можно перевести как "Celui qui tue buste peut bien battre une chaise"2. . . "Продавец газет, вручая мне журнал с моим рассказом: "Вижу, вы пробилась на обложку". "Падает снег, молодой отец прогуливает младенца, носик как розовая вишня. Почему это отец или мать мгновенно заговаривают со своим ребенком, если ему улыбается незнакомец? "А как же", – отвечает отец на вопросительное гуканье младенца, которое продолжается уже некоторое время, и продолжалось дальше бы под тихо валящим снегом, если бы я не улыбнулся, проходя". . . "Inter-columniation, межколоние – темно-синее небо меж двух белых колонн". . . "Название места на Оркнеях: Papilio3". . . "Не "и я жил в Аркадии", но "Мне, – говорит Смерть, – и в Аркадии есть удел" надпись на могиле пастуха ("Notes and Queries", 13 июня 1868, стр. 561). . . "Марат собирал бабочек". . . "С эстетической точки зрения, солитер несомненно является

Интервью журналу Playboy. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru нежелательным нахлебником. Наполненные оплодотворенными яйцами сегменты нередко выползают из анального отверстия человека, порою в виде цепочек, и, как сообщают, становятся причиной неловкости в обществе". (Ann. N.Y. Acad. Sci. 48: 558).

Что вдохновляет вас на запись и собирание таких разрозненных впечатлений и цитат?

Я знаю только, что на очень ранней стадии развития романа в меня вселяется эта тяга запастись пух и травинки, и глотать камушки. Никто никогда не установит, насколько ясно птица представляет себе, и представляет ли вообще, свое будущее гнездо и яйца в нем. Когда я впоследствии припоминаю ту силу, которая понукала меня записывать правильные названия вещей, или их мерки и оттенки, еще до того, как мне на самом деле понадобились эти сведения, я склоняюсь к мысли, что вдохновение, как приходится называть его за недостатком лучшего слова, уже работало, молча указывая мне на то, на се, заставляя собирать известные материалы для неизвестной постройки. После первого потрясенного узнавания - внезапного чувства "так вот, о чем я стану писать" - роман принимается вскармливать сам себя; процесс идет только в сознании, не на бумаге; и чтобы в любой наобум выбранный миг выяснить, какой фазы развития он достиг, мне нет нужды точно осознать каждую отдельную фразу. Я ощущаю внутри себя некий тихий рост, что-то там разворачивается, и сознаю, что все детали уже там, что на самом деле я ясно увижу их, если пригляжусь, если застопорю машину и открою её внутреннее отделение; однако я предпочитаю ждать, пока то, что приблизительно именуется вдохновением, не закончит за меня эту работу. Затем наступает минута, когда мне сообщают изнутри, что постройка полностью завершена. Теперь остается только взять карандаш или ручку и описать ее. Поскольку это законченное строение, смутно освещенное в сознании, можно сравнить с живописным полотном, и поскольку для должного его восприятия вовсе нет необходимости постепенно перемещаться вдоль него слева направо, я могу, принимаясь за описание картины, осветить фонариком любую ее часть или частицу. Я не начинаю мой роман непременно с начала. Я не добираюсь до третьей главы прежде, чем добраться до четвертой. Я не двигаюсь покорно от одной страницы к другой по порядку; нет, я выбираю кусочек тут, кусочек там, пока не заполню, на бумаге, все пустоты. Вот почему я люблю писать рассказы и романы на справочных карточках, нумеруя их позже, когда все уже кончено. Каждая карточка переписывается по многу раз. Три, примерно, карточки образуют одну машинописную страницу, и когда я наконец чувствую, что представившаяся мне картина скопирована настолько верно, насколько это возможно физически, - увы, всегда остается несколько незастроенных участков, - тогда я диктую роман жене, и она печатает его в трех экземплярах.

В каком смысле вы копируете "представившуюся вам картину" романа?

Творческому писателю следует внимательно изучать труды своих конкурентов, в том числе и Всемогущего. Он должен обладать врожденной способностью не только пересоздавать, но и воссоздавать мир. Чтобы с успехом проделать это, избежав повторения чьих-то усилий, художник должен знать данный ему мир. Воображение без знания ведет лишь на задворки примитивного искусства, к каракулям ребенка на заборе или речам безумца на рыночной площади. Искусство простым не бывает. Возвращаясь к дням моего преподавания: я автоматически снижал оценки студентам, которые прибегали к ужасной фразе "искренний и простой" - "Стиль Флобера всегда искренний и простой", - полагая, будто для прозы или поэзии это самый большой комплимент. Когда я однажды вычеркнул эту фразу, карандашом, разгневавшись до того, что он продрал бумагу, студент пожаловался, что его всегда так учили: "Искусство простота, искусство искренность". Когда-нибудь я всё же доберусь до источника этой пошлой чуши. Училка из Огайо? Прогрессивный осел из Нью-Йорка? Потому что, конечно же, искусство в высших своих проявлениях фантастически обманчиво и сложно.

Поговорим о современном искусстве. Критики расходятся в мнениях о современной абстрактной живописи - искренна она или обманчива, проста или сложна. Каково ваше мнение?

Я не вижу какой-либо существенной разницы между абстрактным и примитивным искусством. И то, и другое искренне и просто. Естественно, в этих вопросах не следует обобщать - в счет идет только отдельный художник. Если однако мы примем на миг общую идею "современного искусства", нам придется признать, что беда его в том, что оно слишком банально, раздражительно и академично. Пятна и кляксы

Интервью журналу Playboy. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru просто-напросто заменили общедоступные красоты столетней давности - изображения итальянских девушек, благообразных нищих, романтических руин и так далее. Но подобно тому как среди этих банальных полотен могло попасться творение подлинного художника, с более богатой игрой света и тени, с какой-то оригинальной чертой неистовства или нежности, так и в ряду банальностей примитивного или абстрактного искусства можно наткнуться на проблеск большого таланта. В картинах и книгах мне интересен только талант. Не общие идеи, а личный вклад.

Вклад в жизнь общества?

Произведение искусства равным счетом никакого значения для общества не имеет. Оно значимо только для отдельного человека, и только отдельный читатель значим для меня. Мне наплевать на группы, сообщества, массы, и тому подобное. Впрочем, мне нет дела и до лозунга "искусство ради искусства" - потому что, к сожалению, такие его проповедники, как, скажем, Оскар Уайльд и разного рода изысканные поэты, были на деле отъявленными моралистами и дидактиками нет никакого сомнения в том, что литературное произведение защищено от плесени и ржавчины не его значением для общества, а уровнем искусства в нем, и только искусства.

Что вы хотите совершить или превзойти - или это не должно занимать писателя?

Ну, в смысле свершений у меня, разумеется, нет 35-летнего плана или программы, но есть обоснованные подозрения, касающиеся моей посмертной жизни в литературе. Я улавливаю кое-какие намеки, ощущаю веяние неких обещаний. Несомненно, будут подъемы и спады и долгие периоды забвения. При попустительстве Дьявола я открываю газету 2063 года и в какой-нибудь статье на книжной полосе нахожу следующее: "никто теперь не читает Набокова или Фулмерфолда". Ужасный вопрос: "Кто он, этот бедный Фулмерфолд?"

Раз уж мы заговорили о самооценке - что вам кажется основным вашим недостатком как писателя - кроме того, что вас забудут?

Отсутствие непосредственности; навязчивость параллельных мыслей, мыслей второго, третьего плана; неспособность нормально выражаться ни на одном языке, не составив предварительно каждое клятвое предложение в ванне, в уме, за письменным столом.

Сейчас, позвольте заметить, предложения у вас получаются совсем неплохие.

Это иллюзия.

Ваш ответ можно принять в качестве подтверждения замечаний критиков о том, что вы "неисправимый обманщик", "мистификатор" и "литературный провокатор". Кем вы себя видите?

Пожалуй, любимый мой факт, касающийся меня самого, состоит в том, что меня никогда не расстраивали критическая желчь или жалость, и я не разу в жизни не попросил о критическом отзыве и не поблагодарил за него. Второй мой излюбленный факт - или хватит одного?

Нет, пожалуйста, продолжайте.

Второй сводится к тому, что с юности - я покинул Россию в 19 лет - мое политическое кредо остается таким же бесцветным и неизменным, как старая серая скала. Оно традиционно до банальности. Свобода слова, свобода мысли, свобода искусства. Общественный или экономический строй идеального государства мало меня заботит. Мои желания скромны. Портреты главы государства не должны превосходить размером почтовой марки. Никаких пыток и казней. Никакой музыки, кроме той, что звучит в наушниках или в театрах.

Почему никакой музыки?

У меня нет музыкального слуха, это недостаток, о котором я горько сожалею. Когда я бываю на концерте, - а это случается примерно раз в пять лет, - я в порядке игры стараюсь следить за связью и взаимоотношениями звуков, но больше чем на несколько минут меня не хватает. Зрительные впечатления, отражения рук на лакированной поверхности дерева, прилежная лысина, склонившаяся над скрипкой,

Интервью журналу Playboy. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru все это берет верх, и вскоре движения музыкантов нагоняют на меня безмерную скуку. Я очень поверхностно знаю музыку; у меня есть особая причина считать эту мою безграмотность и неспособность прискорбной и несправедливой: в моей семье имеется превосходный певец – мой собственный сын. Его большие дарования, редкая красота его баса, и ожидающая его прекрасная карьера – все это глубоко меня волнует, и я чувствую себя дураком, присутствуя при профессиональных разговорах музыкантов. Я отлично понимаю, что существует множество параллелей между художественными формами музыки и литературы, особенно по части структуры, но что я могу сделать, если слух и мозг не желают сотрудничать? Я нашел довольно необычную замену музыке в шахматах – говоря точнее, в сочинении шахматных задач.

Другая замена, конечно же, – это ваша музыкальная проза и поэзия. В качестве одного из немногих авторов, которым удавалось с такой выразительностью писать более чем на одном языке, как бы вы охарактеризовали структурные различия между русским и английским языками, на каждом из которых вы, как считается, пишете с одинаковой легкостью?

По простому количеству слов английский гораздо богаче русского. Это особенно заметно в существительных и прилагательных. Довольно докучливая черта, свойственная русскому – это недостаток, неточность и неуклюжесть технических терминов. Например, простая фраза "to park a car"⁴ приобретает вид, – если перевести ее обратно с русского – "to leave an automobile standing for a long time"⁵. Русский, по крайней мере благопристойный русский, куда формальней благопристойного английского. Так, русское слово для "sexual" – половой – отчасти неприлично и не годится для употребления направо-налево. То же относится к русским терминам, описывающим различные анатомические и биологические понятия, которые часто и легко используются в английском разговоре. С другой стороны, русский обладает превосходством в словах, передающих оттенки движения, жесты, чувства. Так, изменив начало слова, для чего существует на выбор десяток предлогов, можно выразить на русском очень тонкие оттенки длительности и напряженности. Синтаксически английский исключительно гибкий инструмент, но русский допускает еще более тонкие изгибы и повороты. Переводить с русского на английский немного легче, чем с английского на русский, и в десять раз легче, чем с английского на французский.

Вы сказали, что не напишете больше ни одного романа на русском. Почему?

Во время великой и все еще невоспетой эры русского интеллектуального изгнания – примерно между 1920-м и 1940-м годами – книги, писавшиеся по-русски эмигрантами из России и публиковавшиеся эмигрантскими издательствами за границей, охотно покупались либо брались в библиотеках читателями-эмигрантами, оставаясь полностью запретными в Советской России то же и сейчас (исключение сделано для нескольких умерших авторов, таких как Куприн и Бунин, чьи книги, подвергнутые строгой цензуре, были недавно там переизданы), независимо от темы рассказа или стихотворения. Эмигрантский роман, напечатанный, например, в Париже и продававшийся во всей свободной Европе, мог тогда разойтись в количестве 1000 или 2000 экземпляров – это был бы бестселлер, – однако каждый экземпляр переходил бы еще из рук в руки и читался по меньшей мере двадцатью людьми, или по меньшей мере пятьдесятю за год, если попадал в русские библиотеки, которых в одной Западной Европе были сотни. Можно сказать, что эра изгнания закончилась во время Второй мировой войны. Старые писатели умерли, русские издатели исчезли, и, что хуже всего, общая атмосфера эмигрантской культуры, с её блеском, энергией, чистотой и силой отклика, истощилась до ручейка русскоязычных периодических журналов, худосочных по одаренности авторов и провинциальных по тону. Теперь о моем случае: дело было, в сущности говоря, не в финансовой стороне; не думаю, чтобы мои русские книги когда-либо приносили мне больше нескольких сот долларов в год, к тому же я стою за башню из слоновой кости, и за сочинительство ради того, чтобы доставить удовольствие одному читателю – себе самому. Но нужно еще какое-то эхо, если не ответ, и умеренное умножение собственного "я" в пределах одной страны или нескольких; а если вокруг вашего письменного стола лишь пустота, желательнее, чтобы это была по крайней мере звучащая пустота, а не камера с обитыми войлоком стенами. С течением времени я все меньше и меньше интересовался Россией и становился все более равнодушен к некогда мучительной мысли, что мои книги останутся там запрещенными до тех пор, пока мое неприятие полицейского государства и политического гнета будет препятствовать мне даже отдаленно задумываться о возможности возвращения. Нет, я не напишу больше ни одного романа на русском, хоть время от времени и позволяю себе два-три коротких

Интервью журналу Playboy. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru стихотворения. Свой последний русский роман я написал четверть века назад. Но сегодня, в качестве компенсации, и чтобы отдать должное моей маленькой американской музе, я занялся кое-чем иным. Хотя, возможно, говорить об этом раньше времени не следует.

Пожалуйста. расскажите.

Хорошо. Мне однажды пришло в голову, – в ту минуту я разглядывал разноцветные корешки переводов "Лолиты" на языки, которых не знаю, – на японский, финский или арабский, – что список неизбежных промахов в этих пятнадцати или двадцати версиях составит, если собрать их вместе, томик потолще любого из них. Я проверял французский перевод, он был в общем очень хорош, но изобиловал бы неизбежными ошибками, если бы я их не исправил. Но что мог я сделать с португальским, или ивритом, или датским? Затем я представил себе еще кое-что. Я представил, как в некотором отдаленном будущем некто возьмет да и издаст русскую версию "Лолиты". Я настроил свой внутренний телескоп на эту точку отдаленного будущего и увидел, что каждый абзац, и без того полный ловушек, может подвергнуться уродливому в своей неверности переводу. В руках вредоносного ремесленника русская версия "Лолиты" могла бы полностью выродиться, оказаться испятнанной вульгарными пересказами и промахами. И я решил перевести её сам. Сейчас у меня готово около шестидесяти страниц.

Работаете ли вы сейчас над каким-нибудь новым замыслом?

Хороший вопрос, как принято выражаться на малом экране. Я только что закончил правку последней корректуры моей книги о "Евгении Онегине" Пушкина – четыре толстых томика, которые должны выйти в этом году в Болингенской серии; сам перевод стихотворного текста занимает малую часть первого тома. Остаток его вместе с томами вторым, третьим и четвертым содержат пространный комментарий. Своим появлением на свет этот труд обязан замечанию, которое в 1950 году мимоходом сделала моя жена, – в ответ на высказанное мной отвращение к рифмованному переложению "Евгения Онегина", каждую строчку которого мне приходилось исправлять для моих студентов: "Почему бы тебе самому его не перевести?" И вот результат. Он потребовал примерно десяти лет труда. Только карточек скопилось в трех длинных обувных коробках около 5000; вон они стоят на полке. Мой перевод, естественно, дословный, буквальный подстрочник. Ради точности я пожертвовал всем: изяществом, музыкальностью, ясностью, хорошим вкусом, современным языком, и даже грамматикой.

С учетом признаваемых вами недостатков, каких отзывов на книгу вы ожидаете?

Я, собственно, не читаю критических отзывов о себе с каким-то особым рвением или вниманием, если только они не оказываются шедеврами остроумия и пронзительности, что иногда случается. И я никогда их не перечитываю, хотя моя жена все это собирает, и может быть я еще использую осколки наиболее уморительных откликов на "Лолиту", чтобы написать когда-нибудь краткую историю злоключений нимфетки. При этом я очень ясно помню некоторые нападки русских эмигрантских критиков, тридцать лет назад писавших о моих первых романах. Не то чтобы я был тогда более раним, но моя память определенно была более ёмкой и восприимчивой, да я и сам был рецензентом. В 20-х годах в меня вцепился некто Мочульский, которому никак не удавалось переварить мое совершенное равнодушие к организованному мистицизму, религии, церкви любой церкви. Были другие критики, которые не могли простить мне, что я держусь в стороне от литературных "движений", что я не выставял напоказ "angoisse"6, каковую по их мнению надлежало испытывать поэту, что я не принадлежал ни к одной из поэтических групп, предававшихся коллективному вдохновению в задних комнатах парижских кафе. Был ещё занятный случай с Георгием Ивановым, хорошим поэтом, но бранчливым критиком. Я не был знаком ни с ним, ни с его женой, литераторшей Ириной Одоевцевой, тем не менее однажды, в конце двадцатых или в начале тридцатых, я тогда писал для одной эмигрантской газеты в Берлине регулярные книжные обзоры, она прислала мне из Парижа экземпляр своего романа с лукавой надписью "Спасибо за Короля, даму, валета", – я, конечно, волен был понимать это как "Спасибо, что написали эту книгу", однако фраза могла также предоставить ей алиби: "Спасибо, что послали мне вашу книгу" – даром, что я никогда ничего ей не посылал. Её книга оказалась прискорбно банальной, о чем я и сказал в краткой и злой рецензии. Иванов отплатил крайне личной статьей обо мне и моих сочинениях. Возможность посредством литературной критики излить или по капле выдавливать из себя дружеские либо враждебные чувства – вот что делает это искусство таким

Интервью журналу Playboy. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru кособоким.

Говорят, будто вы сказали: мои наслаждения самые острые из ведомых человеку: писательство и ловля бабочек. Можно ли их в каком-то отношении сравнивать?

Нет, они принадлежат к совершенно разным типам наслаждения. И то, и другое не легко описать человеку, который их не испытал, и каждое настолько очевидно для испытавшего, что любое описание покажется поверхностным и ненужным. Что касается ловли бабочек я, пожалуй, могу выделить четыре основных элемента. Во-первых, надежда на поимку – или сама поимка – первого экземпляра какого-то неизвестного науке вида: эта мечта всегда живет в сознании любого лепидоптеролога, карабкается ли он на гору в Новой Гвинее или переходит болото в штате Мэн. Во-вторых, поимка очень редкой либо очень местной бабочки – из тех, на которых ты любовался в книгах, в мало кому известных научных журналах, на великолепных иллюстрациях знаменитых трудов, и вот ты видишь ее в полете, в её естественной среде, среди растений и камней, приобретающих таинственную магию благодаря их интимной близости с редкостями, которых они порождают и кормят, так что и пейзаж начинает жить двойной жизнью: сам по себе, как часть прекрасной дикой природы, и как среда обитания некоторой бабочки, дневной или ночной. В-третьих, существует еще интерес натуралиста к распутыванию истории жизни малоизвестных насекомых, к тому, чтобы узнать их привычки и строение, к определению их места в классификационной схеме, схеме, которую порой удается не без удовольствия взорвать ослепительным полемическим фейерверком, когда новое открытие нарушает старую систематику и ошеломляет её недалеких поборников. И в-четвертых, не следует игнорировать элемент спорта, удачи, быстрого движения и мужественного достижения, страстного, напряженного поиска, завершающегося шелковистым треугольником сложенной бабочки, лежащим у вас на ладони.

А наслаждения творчества?

Они в точности соответствуют наслаждениям чтения, блаженству, упоению фразой, разделяемым писателем и читателем: обрадованным писателем и благодарным читателем, или – что одно и то же – художником, благодарным неведомой силе в его сознании, внушившей ему сочетание образов, и творческим читателем, которого это сочетание радует. Каждый хороший читатель наслаждался за свою жизнь несколькими хорошими книгами, так что к чему анализировать радости, известные обеим сторонам? Я пишу главным образом для художников соучастников и соучеников. Впрочем, я так и не смог как следует втолковать некоторым из студентов моих литературных классов основы хорошего чтения – то, что вы читаете книгу истинного художника не сердцем (сердце – на редкость тупой читатель), и не столько умом, сколько умом и позвоночником. "Дамы и господа, трепет в позвоночнике – именно он по-настоящему говорит вам, что автор чувствовал и хотел, чтобы почувствовали вы". Иногда я спрашиваю себя, придется ли мне еще когда-нибудь измерить счастливыми руками ширину кафедры, нырнуть в мои заметки перед сочувственной бездной университетской аудитории.

Какова ваша реакция на неоднозначные чувства, выраженные одним критиком, который сказал, что у вас хороший и оригинальный ум, но "почти нет обобщающего интеллекта", и что вы "типичный писатель, не доверяющий идеям"?

Примерно в таком же торжественном духе один закослелый лепидоптеролог критиковал мои работы по классификации бабочек, обвиняя меня в том, что я больше интересуюсь подвидами и подродами, чем родами и семействами. Подобное отношение, я думаю, – вопрос духовного темперамента. Средне- или высоколобый мещанин никак не избавится от тайного чувства, что книга, дабы быть великой, должна трактовать о великих идеях. О, я знаю этот тип, нудный тип! Ему подавай хорошую историю, приправленную социальной критикой; он любит, чтобы мысли и муки автора походили на его собственные; он желает, чтобы по крайней мере один из персонажей состоял у автора в подпевалах. Если он американец, в нем присутствует примесь марксистской крови; если англичанин – он сильно и смехотворно озабочен классовыми различиями; ему кажется, будто писать об идеях гораздо легче, чем о словах; ему невдомек, что он, возможно, лишь потому не находит у частного автора общих идей, что частные идеи этого автора еще не стали общими.

Достоевский, писавший о вопросах, которые большинство читателей признают универсальными и по масштабу, и по значению, считается одним из величайших писателей в мире. Тем не менее вы охарактеризовали его как "дешевого сенсуалиста, неловкого и вульгарного". Почему?

Интервью журналу Playboy. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

Нерусские читатели не понимают двух вещей: что не все русские любят Достоевского так, как американцы, и что большинство тех русских, которые его любят, почитают в нем мистика, а не художника. Он был пророком, трескучим журналистом и балаганного склада комиком. Я допускаю, что некоторые его сцены, некоторые из его колоссальных, фарсовых скандалов невероятно смешны. Но его чувствительных убийц и душевных проституток невозможно вынести и одной минуты – во всяком случае я как читатель не могу.

Верно ли, что вы назвали Хемингуэя и Конрада "авторами книг для юношества"?

В точности ими они и являются. Хемингуэй, конечно, лучший из двух, у него по крайности имеется собственный голос, и ему принадлежит этот чудесный, по-настоящему художественный рассказ, "Убийцы". И описание радужной рыбы и ритмического мочеиспускания в его знаменитом "рыбном" рассказе великолепны. Но я не выношу сувенирного стиля Конрада, кораблей в бутылках и ракушечных ожерелий его романтических клише. Ни у одного из этих двух авторов я не могу найти ничего, что хотел бы написать сам. В умственном и эмоциональном отношении они безнадежно незрелы, что можно сказать кое о ком из других всеми любимых авторах, утешении и поддержке университетских студентов, к примеру... – впрочем, некоторые еще живы, а я не люблю задевать живых стариков, пока не похоронены мертвые.

Что вы читали в детстве были мальчиком?

От десяти до пятнадцати лет, в Петербурге, я, должно быть, перечитал больше беллетристики и поэзии – английской, русской и французской – чем за любые другие пять лет моей жизни. Мне особенно нравились произведения Уэльса, По, Браунинга, Китса, Флобера, Верлена, Рембо, Чехова, Толстого и Александра Блока. На другом уровне моими героями были "Очный цвет", Филеас Фогг и Шерлок Холмс. Иными словами, я был совершенно нормальным трехязычным ребенком в семье, обладавшей большой библиотекой. Позднее, в Западной Европе, между двадцатью и сорока годами, я особенно высоко ставил Хаусмана, Руперта Брука, Нормана Дугласа, Бергсона, Джойса, Пруста и Пушкина. Некоторые из этих, самых любимых авторов – По, Жюль Верн, Эммушка Орчи, Конан Дойль и Руперт Брук – больше не вызывают у меня прежнего восхищения и трепета. Другие остаются нетронутыми и теперь, наверное, они уже вне изменений, во всяком случае для меня. В отличие от многих моих ровесников, я, в двадцатые и в тридцатые годы, не увлекался поэзией не вполне первосортного Элиота и безусловно второсортного Паунда. Я прочел их позже, году в 45-ом, в гостевой комнате моих американских друзей, и не только остался совершенно равнодушен, но не смог даже понять, почему кому-то припадает охота с ними возиться. Полагаю, они сохраняют некую сентиментальную ценность для тех читателей, которые открыли их в более раннем возрасте, чем я.

Каковы ваши читательские привычки сегодня?

Обычно я читаю несколько книг сразу – старые книги, новые книги, беллетристику, не-беллетристику, стихи – что угодно – и когда дюжина книг, грудой наваленных у моей кровати, сокращается до двух-трех, что обычно происходит к концу недели, я набираю новую кучу. Есть определенные разновидности произведений, к которым я не прикасаюсь – детективные романы, например, я их терпеть не могу, исторические романы. Я с отвращением отношусь и к так называемым "сильным" романам, тем, что битком набиты заурядными непристойностями и стремительными диалогами, – сказать по правде, получив новый роман от исполненного упований издателя – "в надежде что вам эта книга понравится также, как и мне" – я первым делом проверяю, много ли в нем диалогов, и если мне кажется, что их слишком много или что они слишком длинные, я с треском захопываю книгу и гоню ее прочь от своей постели.

Существуют ли современные авторы, которых вы читаете с удовольствием?

У меня есть несколько любимцев – например, Роб-Грийе и Борхес. Как свободно и благодатно дышится в их волшебных лабиринтах! Я люблю ясность их мысли, чистоту и поэзию, миражи в зеркалах.

Многие критики считают, что это описание не в меньшей мере подходит и к вашей прозе. В какой степени проза и поэзия пересекаются как формы искусства?

Разница в том, что я начал раньше – это ответ на первую часть вашего вопроса.

Интервью журналу Playboy. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Второе: да, конечно, поэзия включает все творческое сочинительство; я никогда не мог уловить никаких родовых различий между поэзией и художественной прозой. На самом деле, я бы определил хорошее стихотворение любой длины как концентрат хорошей прозы, с добавлением или без добавления повторяющегося ритма и рифмы. Волшебство просодии может улучшить то, что мы называем прозой, подчеркнув все богатство смысла, но и в обычной прозе есть некоторые ритмические повторы, музыка точной фразы, биение мысли, переданной повторяющимися особенностями фразировки и интонации. Как и в современных научных классификациях, многое пересекается в наших концепциях сегодняшней прозы и поэзии. Бамбуковый мостик между ними – метафора.

Вы также писали, что поэзия передает "тайны иррационального, воспринимаемые через рациональные слова". Но многим кажется, что для иррационального мало места в век, когда точное знание науки начало проникать в самые глубинные тайны бытия. Вы согласны?

Это впечатление очень обманчиво. Журналистская иллюзия. На самом деле, чем величественней наука, тем сильнее ощущение тайны. Больше того, я не верю, что какая-нибудь сегодняшняя наука раскрыла какую бы то ни было тайну. Мы, читатели газет, склонны называть "наукой" хитроумие электрика или мутную болтовню психиатра. Это, в лучшем случае, прикладная наука, а одно из свойств прикладной науки – это то, что вчерашний нейтрон или сегодняшняя истина назавтра умирают. Но даже для "науки" в лучшем смысле слов – как изучения видимой и осязаемой природы, или как поэзии чистой математики и чистой философии – ситуация остается такой же безысходной, какой она была всегда. Мы никогда не узнаем происхождения жизни, или смысла жизни, или природы пространства и времени, или природы, или природы мышления.

Человеческое понимание этих тайн воплощено в идее Высшего Существа. Последний вопрос, вы верите в Бога?

Буду совершенно искренним – я собираюсь сказать сейчас нечто, чего никогда прежде не говорил, и надеюсь, это вызовет легкий приветственный трепет, – я знаю больше, чем могу выразить словами, и то небольшое, что я могу выразить, не было бы выражено, не знай я большего.

=====

В комментарий

С. 1 Egredo perambis doribus – в таком написании эта латинская фраза ничего не означает. Её можно счесть очередной мистификацией Набокова или опечаткой – Egredo per ambis foribus, в таком случае она переводится как "я выхожу через обе двери" (лат.).

С. 2 "нет ничего на свете вдохновительнее американской мещанской вульгарности" – На самом деле слово "американской" в этой фразе послесловия к "Лолите" отсутствует.

С.12 некто Мочульский... – Мочульский Константин Васильевич (1892–1948) – литературовед. В эмиграции печатался в журналах "Русская мысль", "Современные записки". автор книг о Достоевском, Вл. Соловьеве, Гоголе, символистах.

С. 12 Иванов – Иванов Георгий Владимирович (1894–1958) – поэт–акмеист, литературный критик. В эмиграции в Париже принадлежал к враждебному Набокову кругу Г. Адамовича и журналу "Числа". Автор крайне отрицательных статей о Набокове.

С. 12 Одоевцева – Одоевцева Ирина Владимировна (1901–1990) – поэтесса, ученица Н.Гумилева, участница акмеистического "Цеха поэтов". В 1923 эмигрировала вместе с мужем Г.Ивановым, в 1987 вернулась в С.-Петербург. Автор воспоминаний "На берегах Невы" и "На берегах Сены". Набоков написал крайне отрицательный отзыв на её роман "Изольда" в берлинской газете "руль" (30 окт. 1929): "Знаменитый надлом нашей эпохи. Знаменитые дансинги, коктейли, косметика. Прибавить к этому знаменитый эмигрантский надрыв, и фон готов ... Все это написано, как говорится, "сухо", что почему-то считается большим достоинством. И "короткими фразами" – тоже, говорят, достоинство ... Да, я еще забыл сказать, что Лиза учится в парижском лицее, где у нее есть подруга Жаклин, которая наивно рассказывает о

Интервью журналу Playboy. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru лунных ночах и лесбийских ласках. Этот легкий налет стилизованного любострастия, ... и некоторая "мистика" (сны об ангелах и пр.) усугубляют общее неприятное впечатление от книги".

1cognosenti - знатоки (итал.)

2cause celebre - знаменитое дело (франц.)

1 lollipop - леденец на палочке (англ.)

2 Torso killer May beat Chair. - Убийца Торсо может убить чера (англ.). Celui qui tue buste peut bien battre une chaise. - Тот, кто убивает бюст, может побить и стул (фр.).

3 Papilio - мотылек, бабочка (лат.)

4запарковать машину (англ.).

5На долгое время оставить автомобиль стоящим (англ.).

6 Angoisse - тоска, тревога (фр.)

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!